

ЦЕНА ОТД. № 15 РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ 80 К. И НА СТ. ЖЕЛЕЗН. ДОРОГЪ 70 К.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ НОМЕРЪ

НОВЫЙ

САТИРИКОН

306
1917
№4

№ 45

ДЕКАБРЬ. 1917

Г. Ре-ми 17.

Гие. Ре-ми.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО 1917.

ДАРЫ ВОЛХВОВЪ.

— Стой! Реквизируемъ для нуждъ пролетаріата.

АРОМАТЫ ИСТОРИИ.

Поэтъ въ протертыхъ брюкахъ,
Съ мечты несводящій глазъ,
Рождающій душу въ мукахъ,
Сварливой музы пріявшій экстазъ.

Поэтъ, прочитавшій Карлейля и Тьера,
Луи Блэна начавшій четвертый томъ,
Сказалъ мнѣ: «Исторія — сказка, гетера,
Ослѣпляющій душу великій фантомъ...»

Ея ароматы, — ползучія змѣи,
Я одурманенъ дыханіемъ розъ,
Я коснулся руками восхитительной шеи,
Я цѣловалъ переливы душистыхъ волосъ...»

Профессоръ въ пенснэ черепашьемъ —
На каѳедрѣ дремлетъ схоластъ.
Сегодняшній фактъ со вчерашнимъ,
А вмѣстѣ, — все толще пластъ...

Близорукимъ съдымъ солдатомъ
Гордится наука... И ночью и днемъ,
Надъ тѣломъ жизни трудился анатомъ,
Вскрывая причину искуснымъ ножемъ...

«Профессоръ, скажите, какъ пахнутъ факты,
Не ударилъ ли въ голову вамъ ароматъ?..»
— У науки нѣтъ запаха, только — контакты,
За выводомъ — выводъ, а вмѣстѣ — рядъ...

Обыватель, пожравшій газеты,
Съ желудкомъ опухшимъ отъ скверной стряпни,
Замученный кроликъ, зову тебя, гдѣ ты,
Пріявшій зловѣщее слово «они»...

Скажи мнѣ, какъ пряны, какъ злы ароматы
Исторіи, катящей шаръ временъ?..
Развѣ это исторія — чернь и солдаты,
И грядущаго Хама разгнѣванный тронъ?..

Я задушенъ запахомъ кожи,
Сапожнымъ дегтемъ мой мозгъ облить.
Ароматы исторіи... вы скажете тоже,
Какая иронія, какой жгучій стыдъ!..

Поэтъ и профессоръ и ты, обыватель,
Одинъ наивный, а двое слѣпыхъ,
Исторіи равной нѣтъ въ ароматѣ,
И вся она, — мудрости Божьей стихъ...

Но только въ могилу упрятавши годы,
Когда столѣтня-покойника нѣтъ, —
Дыханье богини ловятъ нагоды,
И правдой о розѣ гордится поэтъ...

Александръ Флитъ.

САМЫЙ ПРАВДИВЫЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАЗСКАЗЪ.

Фельетонъ Арк. Бухова.

На улицѣ сидѣлъ и плакалъ замерзающій мальчикъ. Собственно говоря, это былъ не совсѣмъ мальчикъ, такъ какъ недѣлю тому назадъ ему минуло сорокъ два года и замерзаль онъ не отъ того, что его подбросила жестокая мама, а потому, что на углу съ него стащили шубу четверо рѣшительныхъ людей. Для того, чтобы лишеніе шубы стало не такимъ одностороннимъ событіемъ, двое изъ рѣшительныхъ людей ударили его нѣсколько разъ по головѣ, третій отнял часы и портсигаръ, а четвертый снисходительно замѣтилъ:

— Не любишь, буржуище? Хуже еще будетъ.

Получивъ торжественное завѣреніе относительно возможнаго будущаго, Степанъ Николаевичъ сѣлъ около какого-то дома и заплакалъ крупными слезами обиды.

А въ это время гдѣ-то вблизи зажгли елку... Впрочемъ, не буду преувеличивать: не цѣлую елку, а только еловую доску и даже не одну, а цѣлую группу ихъ, составлявшую стѣну небольшого домика, въ которомъ жилъ старый знакомый Степана Николаевича, — добрый дядя Ногаревъ.

Елочка горѣла, дѣтки прыгали кругомъ, рѣзвились и кричали. Я называлъ ихъ дѣтками на томъ же основаніи, на какомъ Степанъ Николаевичъ вырвалъ у меня для себя названіе мальчишка: въ сущности говоря, это были люди зрѣлаго возраста, а одинъ изъ нихъ, тотъ самый, который разбивалъ большимъ камнемъ окно въ дѣтской добраго дяди Ногарева, умѣло перешагнулъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ даже и зрѣлый возрастъ.

На ихъ дѣтскихъ личикахъ отражалось веселье и радость; повидимому, они давно дожидались праздника Рождества, потому что одинъ изъ нихъ весело крикнулъ, взламывая дверь топоромъ:

— Теперь и на нашей улицѣ праздникъ... Надай ребя...

Что касается улицы, то это, конечно, было наивной шуткой, столь простительной въ эту праздничную, манящую въ дали, ночь: ни одинъ изъ трехсотъ веселившихся около горящихъ елочекъ не жилъ на этой улицѣ. Человѣкъ полтора года жили на другомъ концѣ города, человѣкъ сто въ губерніяхъ Витебской, Омской, Черниговской и Вологодской, а остальные нигдѣ постоянно не жили, такъ какъ днемъ нужно было промывать въ одномъ мѣстѣ, ночью въ другомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ собравшіяся малютки начали гадать.

— А что, къ утру спорить домишко-то? — спросилъ одинъ изъ малютокъ, поглаживая волнистую рыжую бороду.

— А для ча ему не спомѣтъ? — пролепеталъ его сверстникъ, помахивая дубинкой надъ головой случайнаго пѣшехода.

Это гаданье быстро развеселило всѣхъ, и очевидно, вспомнивъ великія слова поэта о прежнихъ русскихъ гаданьяхъ: за ворота башмачекъ снявъ съ ноги бросали, — стали заниматься и этимъ, но вмѣсто башмачка стали бросать лампы, книги и посуду, но не за ворота, которыя уже выгорѣли, а прямо на тротуаръ.

А рождественскій гусь лежалъ уже на столѣ, рядомъ

съ хозяйкой и нѣкоторыми дѣтишками, которые, впрочемъ, съ проломленными головами лежали на полу.

Мальчикъ Степанъ Николаевичъ, которому надоѣло замерзать, вспомнилъ о добромъ дядѣ Ногаревѣ, его гусѣ, елкѣ и пошелъ къ нему, но по пути онъ встрѣтилъ святочно настроенныхъ людей, которые гадали о суженомъ-ряженомъ, или невѣстѣ и спросили его о имени.

Когда онъ отвѣтилъ первой группѣ, что его зовутъ Степаномъ, — его побили. Думая, что, очевидно, это имя можетъ раздражать своей неблагозвучностью празднично настроенныхъ людей, второй группѣ Степанъ Николаевичъ назвался Аристархомъ. Били немного слабѣе, но зато сняли пиджакъ и отняли галстукъ.

«Очевидно, эти люди хотятъ знать имя своихъ невѣстъ» — подумалъ Степанъ Николаевичъ, но дама, шедшая сбоку и назвавшая себя Анной, должна была немедленно же почувствовать всю справедливость опытныхъ людей, доказывавшихъ, что въ концѣ декабря ходить по улицамъ въ одной кофточкѣ, — безразсудно. Единственнымъ ея оправданіемъ служило то, что еще три минуты тому назадъ она была въ мѣховой шапкѣ и хорошемъ мѣнто.

По пути къ добромъ дядѣ Ногареву, Степану Николаевичу стало жалко себя, своего одиночества и шубы и казалось страннымъ почему въ эту торжественную ночь, когда въ самомъ воздухѣ вѣяло чѣмъ-то призывнымъ, томнымъ и праздничнымъ, идетъ и плачетъ человекъ. Впрочемъ, самому плачущему и тѣмъ, кто успѣвалъ разсмотрѣть его поближе, это не казалось такимъ уже страннымъ.

И какъ бы подчеркивая праздничность ночи, навстрѣчу стали чаще и чаще попадаться святочные ряженые. Особой красочности Степану Николаевичу замѣтить не удалось, но разнообразіе костюмовъ было полное. Многие шли сразу въ двухъ пальто, прикрывъ голову дамской муфтой, нѣкоторые были покрыты скатертями, а одинъ весельчакъ замаскировалъ только одну голову, поставивъ на нее небольшой комодикъ, который онъ — куда-то, туда, очевидно, гдѣ сверкали и лучились крупныя зимнія звѣздочки, — несъ быстро и охотно.

Мальчикъ Степанъ Николаевичъ подошелъ къ дому добраго дяди Ногарева, вздохнулъ и пошелъ обратно.

Свѣтало.

«Арк.» Буховъ.

ПРОЛЕТАРИАТЪ ТРУДИТСЯ.

Рабочій: — А теперь нашъ заводъ, благодаря Троцкому демобилизуется. Переходитъ на мирное производство.

— Что же вы будете производить?

— Гильотины для провинціи!

Д Ъ Д У Ш К А.

Люди всѣ раздавлены, изломаны, смяты,
Всѣ — или крикуны или тусклые нытики.
Елочный дѣдъ изъ серебряной ваты,
Одинъ ты не знаешь никакой политики.
Что тебѣ декреты, выборы, плакаты?
Что тебѣ Даны, Черновы и Брешки?
Миленькій мой дѣдъ изъ серебряной ваты,
Твой міръ — бусы и золотые орѣшки.
Я люблю твои валенки и мохнатая рукавицы,
Твою бѣлую бороду и красный носъ,
И я знаю: въ сочельникъ мнѣ приснится,
Что ты мнѣ чудесныя игрушки принесъ.
Я выстрѣлю громко изъ большой хлопушки
И надѣну голубую бумажную каску.
Что намъ, милый старенькій, пулеметы и пушки?
Наша жизньъ, — это тихая рождественная сказка.
Какъ мнѣ умильно, свѣтло и свято,
Когда въ зеленыхъ пахучихъ вѣткахъ,
Уютно мерцаетъ серебряная вата —
Твой полушубокъ, святочный дѣдка.

Лидія Лѣсная.

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

(Розливъ 1917 года.)

I.

Рождественскій дѣдъ.

Въ уютной холодной гостиной семейства Пуделькиныхъ собрались родственники и близкіе знакомые встрѣтить праздникъ Рождества. Елка мерцала тусклыми огоньками нѣсколькихъ свѣчекъ, а керосиновая лампочка, поставленная на пианино, бросала желтый, напоминающій коридоры и уборныя, свѣтъ.

Сахару не было. Хлѣба не было. Ыды тоже не было.

Хозяйка дома пыталась развлечь общество оживленной бесѣдой.

— Холодно у васъ, — мрачно отчеканилъ инженеръ Полѣсскій, славившійся своимъ исключительнымъ умѣніемъ «рѣзать правду матку».

— Да... Немного... Дворники не носятъ дровъ... Наступило тяжелое молчаніе.

Одинъ изъ гостей принялся рассказывать о разгромѣ виннаго погреба

— Господа! — предложила хозяйка. — Традиція такая, что въ ночь подъ Рождество необходимо рассказать какую-нибудь страшную исторію.

Старый полковникъ закурилъ сигару и началъ расска-

Рис. Гусь.

Л Е Г Е Н Д Ы И С А Г И.

Визитеръ: — А однажды я въ одномъ домѣ, можете представить, даже ѣлъ гуся!

Хозяйка: — Ахъ, расскажите подробнѣе! Я люблю необыкновенныя исторіи.

зывать о привидѣніи, появляющемся въ нынѣ разгромленномъ имѣніи его дяди въ Тамбовской губерніи. Когда разсказчикъ описалъ внѣшніе призраки привидѣнія, слушатели единогласно догадались, что это — Крыленко. Полковникъ былъ забытъ, исторія съ привидѣніемъ осталась недослушанной, и все общество живо принялось обсуждать условія сепаратнаго мира.

Въ это время раздался сильный стукъ въ дверь. Восемилѣтняя дочь хозяевъ промко заявила:

— Это рождественскій дѣдъ!

Присутствующіе, со свойственнымъ взрослымъ людямъ скептицизмомъ, пожелали провѣрить это обстоятельство. Когда открыли дверь, въ комнату ворвались пять вооруженныхъ челоѣкъ.

— Руки вверхъ! Бумажники и золотые часы — на столъ! Гулко звенѣли въ морозной ночи колокола.

II.

Замерзающій мальчикъ.

Меньшевикъ Бѣленькій и эсъ-эръ Пипинъ возвращались съ засѣданія. Они шли по пустынной, запорошенной снѣгомъ улицѣ, спорили и казалось, что кто-то длинный и толстый голосуетъ выходомъ въ дверь.

Пипинъ пламенно объяснял Бѣленькому непослѣдовательность центрального комитета, который на послѣднемъ партійномъ съѣздѣ поставилъ на голосованіе формулы перехода въ ненадлежащемъ порядкѣ. Бѣленькій, въ свою очередь, краснорѣчиво доказывалъ діалектическое значеніе профессиональныхъ организацій. Спорщики остановились у подъѣзда большого каменнаго дома.

— Позвольте прикурить...

Возлѣ нихъ стоялъ мальчикъ, и вовсе не нужно было обладать исключительной прозорливостью, чтобы узнать въ немъ знаменитаго замерзающаго мальчика. Онъ продрогъ въ эту холодную рождественскую ночь, и теперь затычка папиросой могла оживить его окоченѣвшіе члены.

— Позвольте прикурить...

Но Пипинъ и Бѣленькій продолжали спорить. Одинъ цитировалъ Маркса, другой вспоминалъ цѣлыя страницы изъ Лаврова. Они обрывали другъ у друга пуговицы, и ихъ голоса будили насторожившуюся улицу. Мальчикъ жалобно повторялъ:

— Позвольте прикурить...

Спорщики не слушали. Мальчикъ слабѣлъ съ каждой

минутой, и голосъ его становился все глуше и глуше, переходя въ слабый утробный шопотъ.

— Позвольте прикурить, — неслоь, какъ шелестъ потусторонняго міра.

Когда эсъ-эръ Пипинъ и меньшевикъ Бѣленькій, охрипшіе и покрытые, несмотря на двадцатиградусный морозъ, испариной, — закончили споръ объ обобществленіи орудіи производства въ среднемъ и мелкомъ предпріятіяхъ, мальчикъ уже замерзъ...

На слѣдующее утро въ контръ-революціонной уличной газетѣ «Асфальтъ и народовластіе» мѣстный передовикъ и поэтъ Евлампій Свѣтозарскій писалъ:

«Братцы ракаліи, каналіи! Два социалиста мальчика уморили, пока о дѣлежѣ святой Руси говорили».

III.

Дѣвочка со спичками.

Бутырь шелъ по Невскому проспекту качающейся походкой стараго морского волка. Онъ только что кончилъ обыскъ въ домѣ богатаго буржуа, и въ широкихъ карманахъ его кожаныхъ штановъ шуршали кусочки золотого тельца, выраженные въ кредиткахъ.

Онъ шелъ и насвистывалъ старую морскую пѣсню.

У фонаря его остановила элегантная представительница высшаго свѣта, Катя Балалайка, и съ граціей сказочной принцессы сказала сакраментальный пароль:

— Поѣдемте?

Бутырь подаль ей руку, и они оба ушли въ туманную даль.

Случайный прохожій сразу понялъ въ чемъ дѣло:

— Рождественская ночь? Да вѣдь это дѣвочка со спичками!

IV.

Забитый.

Специалистъ по писанію рождественскихъ разсказовъ беллетристъ Махровъ нервно шагаль изъ угла въ уголъ.

Приближалась рождественская ночь, и впервые за двадцать лѣтъ онъ ничего не написалъ. Газета, въ которой онъ работалъ всѣ эти двадцать лѣтъ, была реквизирована совѣтомъ народныхъ комиссаровъ. Махрову нечего было дѣлать.

Писатель пилъ спиртъ, плакалъ и называлъ себя замерзающимъ мальчикомъ.

* * *

Уходитъ прошлое... Кончены рождественскіе разсказы.

Вышеприведенный конспектъ можетъ еще пригодиться гг. авторамъ на текущій 1917 годъ. Что будетъ дальше, — неизвѣстно. Передаютъ, что вопросъ о рождественскихъ разсказахъ явится предметомъ спеціального декрета. Вѣдь не даромъ пословица гласитъ, что «Стучка не дремлетъ и въ рождественскую ночь».

Бор. Мирскій.

Рис. К. Грусса.

ПОБЪДИТЕЛИ, КОТОРЫХЪ НЕ СУДЯТЪ.

ДЛЯ ДЪЛОВЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Присмотрѣться къ политической ситуации, примѣнить свои способности къ моменту, словомъ, самоопредѣлиться, такъ, чтобы самому было пріятно, а другимъ жутко, — вотъ тотъ бытовой талантъ, который, къ сожалѣнію, отсутствуетъ у многихъ изъ насъ. Китайцы ѣдятъ ласточкины гнѣзда, кафры, едва узнавъ о существованіи собакъ, почувствовали, что это — лакомое блюдо, самоѣды зашиваютъ себя въ шкуры, американцы утилизируютъ силу водопадовъ, а мы, русскіе, до сихъ поръ инертны, косны и игнорируемъ всѣ блага, дающіяся намъ жизнью.

При помощи этой замѣтки мы хотимъ своевременно напомнить, что въ современной намъ обстановкѣ, предприимчивый человекъ всегда найдетъ возможность провести Рождество и приготовить праздничный столъ быстро, дешево и красиво. Стоитъ только откинуть кое-какія условности и вдуматься въ сообщаемое ниже.

Какъ дешево достать вина и закуски къ праздничному столу.

Старый способъ захожденія внутрь магазина уже пережилъ самого себя. Предпочтительнѣе остановиться около магазина гастрономіи, вдумчиво посмотрѣть въ одно изъ его оконъ и тономъ глубоко обиженнаго человека возможно громче произнести: «те позволю». «Что же мы смотримъ, граждане, — громко продолжаете вы, — на глазахъ у всѣхъ повесить окорокъ, безъ суда и слѣдствія!» — «долой насильниковъ! — охотно отзываются прохожіе. — Освободить его!» затемъ изящнымъ движеніемъ руки, сопроводивъ его учтивымъ наклономъ головы и тактичной улыбкой, вы приглашаете приступить къ разгрому магазина. Толпа охотно соглашается, и не проходитъ трехъ минутъ, какъ къ удивленно приказчиковъ и хозяина, магазинъ оказывается разгромленнымъ, а вы съ четырьмя окороками ѣдете домой. Два изъ нихъ у васъ отнимаютъ по пути, охотно выдавая расписки въ получении: «Сей окорокъ взялъ Пишкинъ». Одинъ изъ оставшихся вымѣнивается на керосинъ для освѣщенія комнаты, а послѣдній, мелко изрубленный, чтобы онъ не послужилъ предметомъ продовольственнаго обыска, и спрятанный въ корюкахъ изъ-подъ табаку, подается къ столу.

Вино достается на другой день почти тѣмъ же приемомъ.

Подарки къ празднику.

Легче всего подобрать подарокъ женѣ, такъ какъ способъ его доставанія менѣе рискованъ. Внимательно осмотрѣвъ толпу гуляющихъ на одной изъ людныхъ улицъ, вы выискиваете на какой-нибудь дамѣ хороше мѣха и, рѣшительно крикнувъ около нея: «долой союзныхъ империалистовъ», быстро снимаете мѣха.

— Позвольте, — протестуетъ дама. — Это мѣха моя.

— А вы читали послѣдній декретъ о квартирномъ налогѣ? — рѣзко спрашиваете вы. — Не читали?

— Нѣтъ, — сознается дама.

— То-то, — снисходительно говорите вы.

Гаданія на святкахъ.

Крадется пѣтухъ, перекупается мука, пѣтуха рѣжутъ, дѣлаютъ изъ него пирогъ и начинаютъ гадать, — успѣютъ его отнять или нѣтъ.

* * *

Берутъ поднось, кладутъ на него бумажныя деньги и поджигаютъ, — все равно ничего не стоятъ. Потомъ смотрятъ на стѣну, гдѣ треплется собственная тѣнь, и плачутъ.

* * *

Гаданье съ оловомъ. Перепродаютъ большую партію олова, получаютъ за нее чекъ на банкъ, подходятъ къ банку, который залергъ, и начинаютъ догадываться, что по чеку денегъ не выдадутъ. Гадать можно и дома, — банки отъ этого не откроются.

* * *

Если кто-нибудь сомнѣвается въ томъ, что наши наставленія весьма логичны, имѣютъ подъ собой фактическія данныя и легко выполнимы, — пусть прочтетъ сегодняшнія газеты, или выйдетъ часа на два на улицу. Этого достаточно.

Арх. З/111

Готовится къ печати новая книга
АРКАДІЯ БУХОВА
РАЗГОВОРЫ СЪ СОСѢДОМЪ.
НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Стыдно!

Какая разница между социалистическими министрами и буржуазными?

Пока — такая:

Какъ извѣстно, большевики предложили арестованнымъ социалистическимъ министрамъ уйти изъ крѣпости, а буржуазныхъ оставили. „Социалисты“ ушли, оставивъ за своей спиной арестованныхъ „буржуазныхъ“ товарищей.

Но недавно большевики предложили освободить изъ крѣпости министра государственнаго призрѣнія Кишкина и министра иностранныхъ дѣлъ Терещенко (послѣдняго въ виду плохого состоянія здоровья). Оба министра-буржуа, однако, категорически отказались отъ этой милости, заявивъ, что выйдутъ изъ крѣпости лишь тогда, если будутъ освобождены всѣ остальные министры.

И что же? Паиньки социалисты гуляютъ на свободѣ, а бяки буржуи сидятъ.

Не знаемъ, можетъ быть мы потеряли ощущение настоящаго вкуса, но намъ въ этомъ случаѣ буржуи болѣе симпатичны.

Готгентоты.

Послѣ того, какъ большевистскіе грамотеи спутали англійскаго короля съ депутатомъ Кингомъ, отъ нихъ можно ожидать всякаго колѣнца.

Въ девяти случаяхъ изъ десяти можно предсказать, что сдѣлаетъ умный человекъ. И никогда никто не догадается: какъ въ такомъ же случаѣ поступитъ дуракъ?

Поэтому, дуракъ свѣжѣе и интереснѣе.

Дипломатъ изъ большевистскихъ „Извѣстій“ съ важнымъ видомъ оповѣщаетъ своихъ простодушныхъ читателей:

„Итальянецъ Діаманди сообщаетъ“...

Патагонецъ сочинилъ, мексиканцы набрали, туареги отиснули и вотъ уже читаютъ утромъ зулусы важное сообщеніе, держа газету вверхъ ногами.

Самое черное пятно.

Вотъ уже — истинно:

„Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!“

Въ одной изъ вѣлѣрчивыхъ передовыхъ статей полуофициозной „Neue Freie Presse“ пишеть:

„въ Петербургѣ воцарился новый властелинъ. Зовутъ его Ленинъ и онъ желаетъ мира. Послѣ неудачнаго возстанія въ июль Ленинъ бѣжалъ и скрывался, какъ преступникъ. Но у Ленина былъ союзникъ, который возстановилъ его силу. (Слушайте, слушайте!). Горький, величайшій русскій художникъ, выступилъ на его защиту, и вскорѣ влияние Ленина на совѣтъ и рабочихъ такъ возросло, что онъ могъ свергнуть Керенскаго, покончить съ ненавистными казаками“ и т. д.

Горькій жнетъ то, что густо посѣялъ...

Сколько ему теперь нужно пудовъ мыла, чтобы отмыть губы отъ этихъ жирныхъ большевистско-нѣмецкихъ поцѣлуевъ...

Рис. Груса.

УГЛУБЛЕНІЕ РЕВОЛЮЦІИ.

Рис. А. Радакова.

Февраль 1917 г. Крыша.

Октябрь 1917 г. Бель-этажъ.

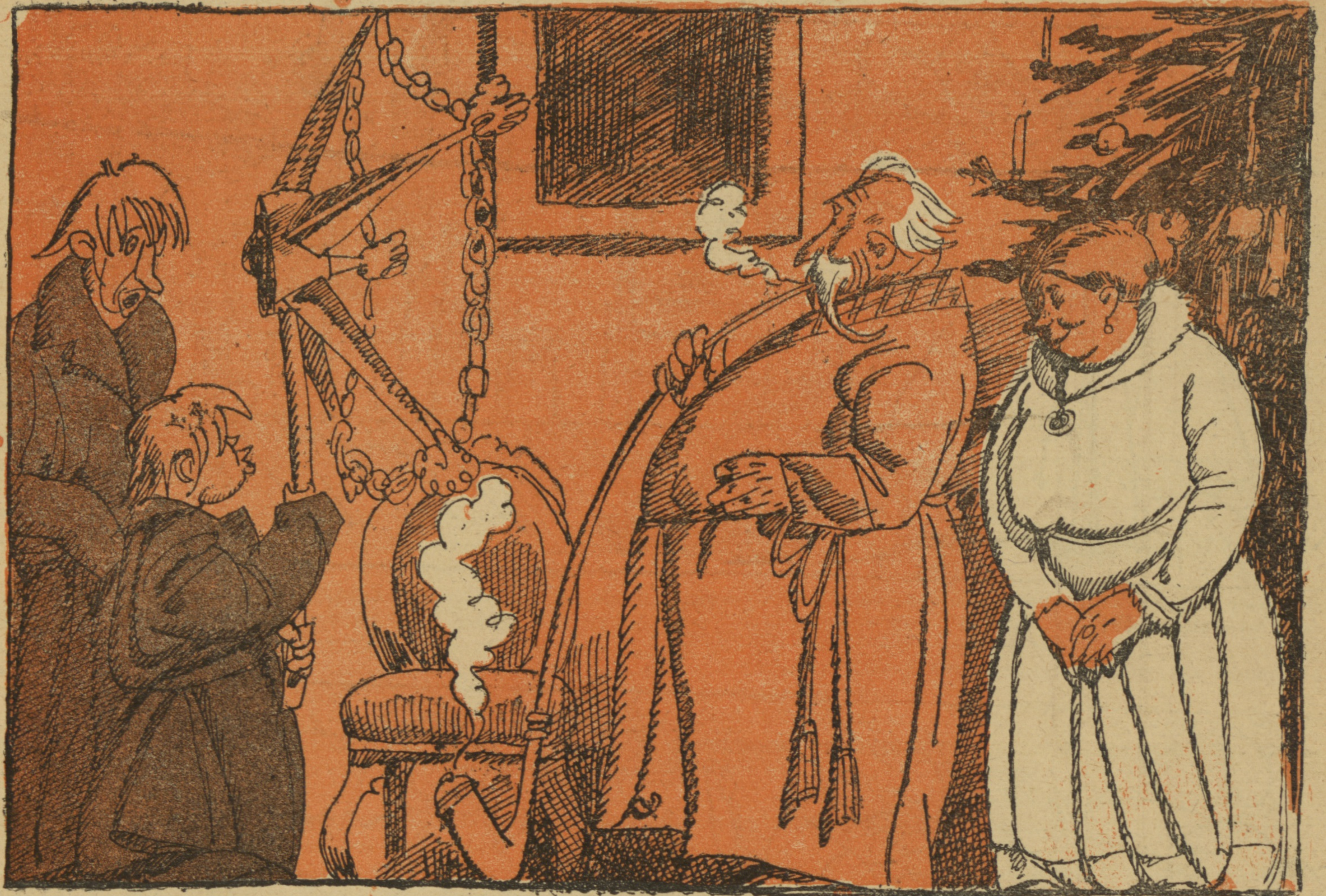

Декабрь 1917 г. Погребъ.

ПРАЗДНИЧЕКЪ...
ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Рис. Б. Антоновскаго.

Какъ милые мужички поздравляли добраго помѣщика прежде...

И какъ милые мужички поздравляютъ добраго помѣщика теперь...

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОНЪ ГРАЖДАНИНА.

— Ну, теперь все готово: могу спокойно уснуть.

Ампоше!

„Въ каждомъ домѣ есть деньги, нужно только знать, гдѣ онѣ лежатъ“.

И товарищъ Ларинъ изъ „Правды“ знаетъ, какъ ихъ за-
получить, чортъ возьми!

Онъ указываетъ смольному правительству способъ, дѣй-
ствующій, какъ говорится въ объявленіяхъ о пилюляхъ, „легко
и нѣжно“:

Для этого онъ предлагаетъ объявить населенію, что съ та ого-то
числа всѣ бумажныя деньги, начиная отъ трехрублевокъ, а также
акціи и облигаціи, будутъ считаться не дѣйствительными, если на
нихъ не будетъ положенъ изобрѣтенный на сей предметъ штемпель.

А при штемпелеваніи съ каждой трехрублевки будетъ взиматься
налогъ въ размѣрѣ полтинника, съ пятирублевки — 1 руб., съ 10-ру-
блевки — 2 руб., съ четвертого билета — 5 руб., съ полусоте-

наго — 10, съ сотни — 20, съ 250 руб. и 500-рублевыхъ билетовъ —
по 20%, съ 1000-рублевокъ — 30%, съ 10.000 — по 40%.

Намъ кажется, гораздо проще тотъ способъ выкачиванія
денегъ, который Смольный изобрѣлъ самостоятельно... Именно:
какіе-то люди приходятъ къ вамъ въ домъ и отбираютъ по
ордеру оружіе. Потомъ, когда вы выходите на улицу, къ
вамъ, безоружному, подходятъ вооруженные, но безъ ордера,
люди и, схвативъ за шиворотъ, отбираютъ деньги.

Насколько же этотъ „кустарный“ способъ проще всѣхъ
этихъ тонкихъ штукъ со штемпелевкой и прочими выдумками.

Впрочемъ, въ „Смольномъ“ способѣ тоже штемпелюютъ
гражданина имѣющими у финансистовъ орудіями... Да такъ,
иногда проштемпелюютъ, что хо въ сейчасъ вези на кладбище.

Да, трудная это вещь — финансы.

Т Р О Ц К А Я   Р А Б О Т А.

ПОСЛѢДНЯЯ ЕЛКА.

Рождественскій разсказъ Аркадія Аверченко.

Быль декабрь 1917 года.

Наступило Рождество.

Еще въ сочельникъ можно было видѣть, какъ оживленныя веселыя толпы покупателей наполняли магазины, покупая къ великому празднику разной снѣди — у всѣхъ были свертки и пакеты съ индѣйками, гусями, поросятами, консервами и прочими вкусными вещами.

Не были забыты и дѣтишки: отцы и матери семействъ, какъ ихъ будущія елки, были увѣшаны пакетами съ конфетами, шоколадомъ и прочими вкусными вещами.

Молодой, сіяющій радостнымъ свѣжимъ лицомъ офицеръ вышелъ изъ конфектнаго магазина, чуть не спибаясь подъ тяжестью большой коробки шоколада, и крикнулъ звучнымъ голосомъ:

— Извозчикъ! На Можайскую.

— Пожалуйте, ваше благородіе. Н-но, ты!..

Когда подѣхали, домъ генерала Филатова на Можайской, куда такъ стремился нашъ прапорщикъ (его звали Семеновъ), — сіялъ тысячью огней изъ всѣхъ оконъ: всюду былъ праздникъ, всюду рѣзвились дѣти и солидно бесѣдовали за стаканомъ добраго вина взрослые.

Бодро взбѣжалъ Семеновъ по лѣстницѣ.

— Генераль принимаетъ? — освѣдомился онъ, сбрасывая шинель на руки bravому денщику.

— Такъ точно, ваше благородіе! Ихъ превосходительство принимаютъ.

— А старшая барышня дома?

— Такъ точно.

Одернувъ парадный мундиръ и сверкая матовой позолотой погонь, Семеновъ прошелъ прямо въ гостиную и здѣсь немедленно же столкнулся съ той, которая была ему дороже всего, съ Марусей Филатовой.

— Ахъ! — застѣнчиво вскрикнула она. — Здравствуйте. А я тутъ возилась около елки. Видите, какая огромная.

— Вотъ вамъ, во-первыхъ, вашъ любимый шоколадъ съ ванилью, а во-вторыхъ...

— Что во-вторыхъ? — тихо прошептала Маруся.

— Я хотѣлъ съ вами поговорить... Вы знаете о чемъ?

— Н-нѣтъ...

— Маруся! Я хотѣлъ бы... если вы меня любите, какъ и я... однимъ словомъ... будьте моей женой!

— Ахъ! — вскрикнула Маруся, пряча свое изящное смущенное лицо у него на груди. — Это такъ неожиданно... Я еще такая молодая... Вы видите, даже интересуюсь елкой...

— Маруся, — тихо сказалъ Семеновъ, глядя ея изящную ручку. — Вы и потомъ будете интересоваться елкой, но уже не для себя... Для тѣхъ, кого мы будемъ нянчить вмѣстѣ и...

— Ахъ, — застѣнчиво вскричала дѣвушка и, закрывъ лицо руками, убѣжала.

Семеновъ посмотрѣлъ на нее любовнымъ взглядомъ и, мелодично смѣясь, прошелъ въ кабинетъ генерала.

Важный, покрытый орденами Филатовъ встрѣтилъ его очень привѣтливо.

— Здорово, поручикъ, — шутливо поздоровался онъ.

— Здравія желаю, ваше превосходительство!

— По вѣренному вамъ округу все обстоитъ благополучно?

— Никакъ нѣтъ. Неблагополучно. Я влюбился и прошу руки вашей дочери!

— Ха-ха-ха! — густымъ басомъ засмѣялся генераль. — Ловко подвелъ махинацію. Что жъ, я ничего не имѣю противъ этого. Только приданого могу дать гроши. Всего нѣсколько тысячъ. Вѣдь я живу, какъ вы знаете, на жалованье. Вотъ развѣ въ окружномъ судѣ дѣло выиграю, тогда смогу дать Марусѣ и больше.

— О, — сказалъ Семеновъ. — Намъ ничего и не нужно. У меня отъ тетки остался домъ, да кромѣ того есть небольшое имѣніе въ Тульской губерніи.

— Ну, дѣло ваше, — захохоталъ генераль. — Еремѣй!

Въ дверяхъ вытянулся бравый денщикъ.

— Шампанскаго! Хе-хе!.. Значить «Исаія, ликуй»? А послѣ свадьбы куда?

— Я думаю, поѣдемъ въ Малороссію или на Кавказъ, а можетъ быть, даже за границу.

Хлопнули пробки.

— Ну, Маруся, — сказалъ генераль, подмигивая дочери, — думала ли ты, что это будетъ твоя послѣдняя елка?

И опять возразилъ Семеновъ, котораго всѣ солдаты любили въ полку за его умъ и прямоту и находчивость:

— Послѣдняя? Но, я думаю, годика черезъ два, мы снова начнемъ устраивать елки. Не правда ли, Маруся?

— Ахъ!.. — вскричала дѣвушка, пряча смущенное лицо въ изящныхъ ручкахъ.

— Бам-мъ! — раздался густой звукъ рождественскаго колокола, будто благословляя молодую чистую любовь г-на Семенова и m-lle Филатовой...

Въ гостиной зажигали елку.

Арк. Аверченко.

P. S. Долженъ признаться откровенно: изъ-за этого написаннаго мною изящнаго рождественскаго разсказа въ редакціи у насъ произошла тяжелая сцена.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ своихъ произведеній, которыя я считаю особенно удачными, я читаю сотрудникамъ, не безъ основанія рассчитывая на ихъ шумное одобреніе... Къ сожалѣнію, разсказъ «Послѣдняя елка» вызвалъ совершенно противоположное отношеніе.

— Дрянъ, — сказалъ художникъ Р.

— Ходульная чепуха, въ которой ни одного слова правды, — поддержалъ поэтъ Ф.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ, — деликатно замѣтила секретарша, — выкинулъ всѣ тѣ мѣста, которыя теперь какъ бы... гм!.. устарѣли.

И всѣ хоромъ поддержали ее.

— Напримѣръ? — хладнокровно поднялъ я одну бровь, тщательно пряча въ глубинѣ души больно уязвленное самолюбіе творца.

— Напримѣръ? Да вотъ начнемъ съ самаго начала. «Быль декабрь». Ну... это... Декабрь, конечно, былъ; противъ этого не поспоришь. «Наступило Рождество». О какомъ Рождествѣ вы говорите?

Даже ребенокъ догадается! — вскричалъ я запальчиво. — Я говорю о Рождествѣ Христовомъ!

— Такъ-съ! А вы знаете, что народные комиссары изъ Смольнаго для уравненія нашего календаря съ западнымъ отмѣнили въ этомъ году Рождество?

— Гм... Ну, тогда слово «наступило Рождество» вычеркните.

— Хорошо-съ. Теперь дальше: гдѣ это вы видѣли «оживленныя веселыя толпы покупателей»? Съ чего имъ веселиться? Съ чего оживляться? Не съ того ли, что каждую минуту можетъ прихлопнуть изъ-за угла пуля пьянаго красногвардейца или матроса? И что они могли покупать, эти «веселыя толпы»? Беревку, чтобы повѣситься? Но нѣтъ! Вы говорите о «снѣди»! и даже перечисляете: гуси, индѣйки, поросята. А знаете ли вы, что фунтъ гуся стоитъ десять рублей, что за поросенка берутъ столько же, сколько раньше за корову?!

— Они... маленькихъ покупали, — робко пролепелъ я. — Дешевенькихъ.

— Какихъ маленькихъ? Кого, чего? Маленькій, дохлый гусенокъ, все равно, пятьдесятъ рублей стоитъ: А деньги откуда взять? Вы вѣдь знаете, что частные банки выдають, благодаря закрытію государственнаго банка, только проши, на которые вѣру не умереть съ голоду! И у васъ эти «веселые» идиоты покупають шоколадъ и конфеты! Гдѣ? въ Америкѣ они его покупали? который шоколадъ? Вычеркиваю! И гусей вычеркиваю, и шоколадъ!

— У него тутъ тоже какой-то невѣроятный «сіяющій офицеръ» съ погонами выведенъ, — ядовито замѣтилъ поэтъ. — Какіе теперь къ чорту погоны, когда солдаты просто изоиваютъ и даже уоиваютъ за ношение погонъ. Очень тутъ засяешь!

— Вычеркнемъ сіяющаго офицера.

— А извозчикъ! Какой это невѣроятный, фантастическій извозчикъ могъ посадить съдока безъ торгу, не содравъ съ него три шкуры? Извозчикъ сей — плодъ горячечнаго бреда разсыяннаго автора.

Я сдавался не легко.

— Отчего же, господа? А вдругъ это былъ добрый русскій человекъ, у котораго сердце растаяло отъ праздничка... вотъ онъ и повезъ.

— Ерунда! Если у добраго русскаго человекъ растаетъ отъ праздничка сердце, онъ не съдока за прошъ повезетъ, а поидетъ скорѣй винный складъ громить.

— Вѣрно! Онъ те покажетъ праздничекъ. Вычеркивайте извозчика!

— Тутъ у него тоже «домъ сіялъ тысячью огней». Это при недостаткѣ-то топлива на электрической станціи, когда свѣтъ дають черезъ пятого на десятое? А какія дѣти теперь рѣзвятся? Какіе взрослые «солидно бесѣдуютъ за стаканомъ добраго вина»?! Все вычеркивайте — и дѣтей, и солидную оесъду, и доброе вино?!

— Ну, хорошо, — мужественно отступилъ я. — Пусть рѣзвѣющихся дѣтей и доброе вино къ чорту, но «бодро взбѣжалъ Семеновъ по лѣстницѣ» — это вѣдь можетъ быть?

— Офицеръ? Бодро? Гм!... Сумливаюсь штопъ. Ну, да ладно. Можетъ, и есть офицеръ, который даже теперь способенъ козломъ прыгать. Для вѣроятности, поставьте: «прихрамывая». Но что это за дикій бредовой денщикъ, рапортующій «такъ точно» въ отвѣтъ на вопросъ «барышня дома?» Не такъ теперь денщикъ отвѣтитъ офицеру. «А чортъ ее знаетъ, эту дрянъ!» — такъ онъ теперь отвѣтитъ.

— Да, денщики, нынче и вообще отмѣнены, — подсказалъ художникъ.

— Вычеркивай денщика! И «любимый шоколадъ съ ванилью», вычеркивай. Теперь, братъ, не «любимый», а «лопай, что дають». Съ тараканомъ шоколадъ съѣшь, если хочешь, а не съ ванилью!

— Предложеніе руки и сердца тоже вычеркни, — посоветовалъ поэтъ. — Сейчасъ офицеры переведены на солдатское жалованье. Не очень-то на пять рублей въ мѣсяцъ женишься.

— Но вѣдь у моего Семенова и домъ есть, и имѣніе въ Тульской гу...

— Декретъ изъ Смольнаго отмѣнилъ право домовладѣльцевъ на дома! Имѣнья сожжены и земля забрана добрыми мужичками. Кукишъ съ масломъ имѣетъ твой Семеновъ!

— И генералъ у него какой-то дуракъ: хохочетъ. Ну, чего теперь русскіе генералы будутъ хохотать? Теперь русскіе генералы плачутъ или вообще умирають. Затѣмъ: покрытъ орденами — вздоръ! Смольный отмѣнилъ ордена. И

«вѣдь я живу на жалованье» — глупо. Генералъ теперь тоже получаетъ рублей пять въ мѣсяцъ. И «дѣло въ судѣ» онъ не выпраетъ, — вѣдь суды отмѣнены Смольнымъ. И шампанскаго у генерала нѣтъ, — что онъ матросъ, что ли, или красногвардеецъ? Зачеркните. И эту непонятную фразу зачеркните: «поѣдемъ въ Малороссію, на Кавказъ или даже за границу». Вѣдь сейчасъ и Кавказъ и Малороссія — заграница!

— А «хлопали пробки» измѣните на: «хлопали выстрѣлы». Теперь они по всѣмъ мѣстамъ каждую минуточку хлопають. Опять же солдаты не могли «любить Семенова за умъ, прямоту, и находчивость». Убили бы его солдаты за эти буржуйныя свойства! Вычеркните. Кромѣ того, и ликующаго Исаію необходимо вычеркнуть...

— Все?

— Вотъ тутъ — колокольное: «Бамъ!» я бы тоже вычеркнулъ. Какіе теперь «Бам-мы!», когда большевики отдѣлили церковь отъ государства?! Не очень-то нынче разбамаешься, разъ религія упразднена официально по декрету. Вычеркните.

— Позвольте! — вскричалъ я, скрежеща зубами. — Но вѣдь такъ отъ разсказа почти ничего не останется! Знаете, что? Оставьте его такъ, какъ онъ написанъ, и сдѣлаемъ подзаголовокъ: «историческій разсказъ».

— Такія вещи, какъ историческіе разсказы, умѣстны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», — сухо возразилъ художникъ, — а не въ злободневномъ сатирическомъ журналѣ! Я такъ совѣтую: все невѣроятное, все вычеркнутое — выбросьте и печатайте то, что осталось.

— А что осталось? — уныло спросилъ я.

— Кое что, все таки, есть...

И секретарша громко прочла:

ПОСЛѢДНЯЯ ЕЛКА.

Рождественскій разсказъ Арк. Аверченко.

Быль декабрь 1917 года.

Офицеръ Семеновъ, прихрамывая, взбѣжалъ по лѣстницѣ.

Хлопнули выстрѣлы.

Арк. Аверченко.

П О Р Т Р Е Т Ъ.

Я курю чужія папиросы
И въ дѣлахъ не смыслю ни аза.
У меня растрепанныя косы,
Хитрые, цыганскіе глаза.

Губы, какъ вишневая помадка,
Дѣтскій почеркъ и жестокій нравъ.
Я не знаю, что прекрасно, гадко,
И неправый кажется мнѣ правъ.

Въ людяхъ неразборчива, какъ въ книгахъ,
Глупо сердце шепчетъ: не тужи.
И въ моихъ безхитростныхъ интригахъ
Много дѣтской и неловкой лжи.

Коль меня уже полюбитъ кто-то,
То навѣрно за мои прѣхи.
Я въ кафе на оборотѣ счета,
Вывожу пѣвучіе стихи.

Кто мнѣ скажетъ: «я — умна, глупа ли?»
Я мужчинамъ нравлюсь не за умъ.
Строки пѣсенъ на сердце упали,
Точно листья осенью, — безъ думъ.

И, какъ строчка недопѣтой пѣсни,
Я ищу конца своей строфы.
Можетъ быть всѣхъ женщинъ я чудеснѣй,
Замечтавшись въ уголку софы?..

Елизавета Стырская.

М Е М У А Р Ы.

Разсказъ Тэффи.

Ну-съ, дорогіе мои, я счастливъ, что могу провести съ вами этотъ рождественскій вечеръ. Сядемъ, какъ полагается въ кружокъ у камина... Каминъ? Вы спрашиваете, что такое каминъ? Ну, да, вотъ эта самая дыра и называется каминномъ... Ну, конечно, дуетъ... Какъ зачѣмъ дѣлають! Прежде туда клали эти... какъ бишь они называются... на г... гм... ахъ, да, — угли. Угли клали, ну и было тепло.

Такъ вотъ, сядемъ по обычаю въ кружокъ, и я расскажу вамъ, что-нибудь изъ сказочнаго прошлаго.

Теперь у людей память стала короткая. Получить разъ прикладомъ по шеѣ, все у него изъ головы и выскакиваетъ. А я не таковъ, я хитрый. Я все въ книжечку записывалъ и буду потомъ мемуары составлять. Записывалъ я такъ, какъ бы въ формѣ историческаго романа. А? Что? Ну, ладно, начну прямо читать. Если будетъ что-нибудь непонятное, можете прервать и попросить разъясненій. Итакъ:

«Баринъ проснулся въ половинѣ восьмого и позвонилъ.

На звонокъ его тотчасъ же прибѣжала порничная (почему иелѣпость? Горничная еще не самоопредѣлилась и поэтому спѣшила на звонокъ. У васъ нѣтъ исторической перспективы).

— Чего прикажете, баринъ? — привѣтливо спросила она.

— Какъ чего? — рявкнулъ баринъ. — Кофе и газеты. Завтра же получите расчетъ. Я вамъ плачу шесть рублей жалованья, а вы такая безтолковая!

Черезъ пять минутъ барину подали кофе, густыхъ сливокъ, булокъ и газетъ.

— Сливки недурны, — проворчалъ баринъ, — но все-таки далеко имъ до деревенскихъ, а вѣдь дерутъ за нихъ по тридцать копеекъ за бутылку. Булочка? Марюша, сколько разъ я вамъ говорилъ, что мнѣ надоѣли слойки. Берите лучше съ вареньемъ или творогомъ. И опять вы такъ накалили печь въ спальнѣ, что я отъ жары уснуть не могъ. Дрова беречь нужно, дрова дороги, — шесть рублей сажень березовыхъ.

Видя, что баринъ не въ духѣ, горничная почтительно удалилась.

Баринъ развернулъ газету.

— Что это? Кража? Воръ вытащилъ въ трамваѣ кошелекъ у пассажира! Куда мы идемъ! Средь бѣла дня воръ почти на глазахъ у всѣхъ обкрадываетъ пассажира! И чего смотритъ полиція! Это возмутительно.

Баринъ долго возмущался, потомъ одѣлся и пошелъ на службу.

У подъѣзда стояло четыре извозчика, которые кинулись наперебой предлагать барину свои услуги.

— На Морскую, четвертакъ, — сказала баринъ (жилъ онъ на Кировной).

— Положите тридцать пять, — закричали извозчики.

— За тридцать доведу, — подкатилъ съ противоположной стороны новый извозчикъ. — У меня лошадка хорошая.

— Четвертакъ и ни копейки больше, — упрямылся баринъ.

— Пожалуйте, ваша честь.

— Пожалуйте, — заревѣли хоромъ всѣ остальные.

— Со мной! Со мной! Вчера я васъ возилъ!

Баринъ поѣхалъ.

На службѣ пробылъ онъ недолго и отправился въ ресторанъ завтракать, завернувъ по дорогѣ къ портному. Портной спросилъ сорокъ рублей за лиджачную пару. Баринъ разсердился и ушелъ, не заказавъ ничего, хотя материалъ былъ англійскій и понравился ему.

Придя въ ресторанъ, онъ направился прежде всего къ закускѣ. Чего-чего только не было: и горячая и холодная, и салаты, и грибки, и рыбки. Выбравъ любимый сортъ водки, онъ выпилъ двѣ рюмки, закурилъ бутербродомъ изъ рябчика со свѣжей икрой и, заплативъ рубль, сѣлъ завтракать.

— Завтракъ изъ двухъ блюдъ, семьдесятъ пять копеекъ. Гм... Деньги-то брать они умѣють, а масло пожалуй и не сорвѣмъ свѣжее.

Плотно позавтракавъ, онъ вернулся на службу.

По дорогѣ завернулъ въ гастрономическій магазинъ купить чего-нибудь къ обѣду.

Приказчики бодро и весело отвѣшивали товаръ, рекомендуя и хваля его.

— Сырку не прикажете ли, новой полочки, — шесть гривенъ. Балычекъ есть опѣтый, по рубль семьдесятъ. Семга шесть гривенъ, зато хороша-съ. Селедка въ разную

цѣну. Есть даже по двадцать копеекъ, зато очень хороша-съ.

— Нѣтъ, — капризничалъ баринъ. — Не хочу ни балыка, ни селедки. Мнѣ бы чего-нибудь особеннаго.

— Омары хорошіе есть, по два рубля, ветчина по полтиннику, сливочное масло.

— Масло я ѣмъ только «звѣздочку» по шесть гривенъ за фунтъ, — капризничалъ баринъ.

— Наше не уступитъ-съ, извольте попробовать. Икорка зернистая, по три рубля, очень не дурна-съ.

Баринъ выбралъ кое-чего и приказалъ прислать на домъ.

На службѣ, вспомнивъ, что обѣщавъ завести билетъ въ театръ знакомой дамѣ, онъ вызвалъ моторъ.

— 54-58! — крикнулъ онъ въ телефонъ.

Барышня мгновенно соединила.

— Моторъ! — отвѣтили.

— Пришлите скорѣе на Морскую.

— Черезъ шесть минутъ будетъ у васъ.

Баринъ поѣхалъ на Васильевскій. Счетчикъ показалъ восемьдесятъ копеекъ. Баринъ покачалъ головой, однако заплатилъ и далъ на чай двугривенный.

Шофферъ поблагодарилъ и предложилъ подождать.

— Не надо, — отвѣчалъ баринъ. — Больно накладно будетъ, счетчикъ твой за часъ не меньше полтинника насчитаетъ.

Онъ поднялся наверхъ, вспоминая расходъ минувшаго дня и вздыхая, что жизнь стала такъ невыносимо дорога...

Что вы смѣетесь, дорогіе мои? Я вамъ рассказываю о страданіяхъ и заботахъ барина, а вы смѣетесь. То есть, какъ такъ вранье? Почему вранье? Все на основаніи записей и документовъ. Что, психологически невозможно? А кто же его долженъ былъ вздуть? Шофферъ? Да, почему же?.. Извозчикъ?.. А приказчикъ за что? То есть, какъ такъ всѣ? У васъ нѣтъ исторической перспективы, поэтому вы и не понимаете. И вовсе это не фантастическій разсказъ, а старая была, на основаніи историческихъ документовъ, собранныхъ лѣтъ шесть тому назадъ. А вы все кроете на современный ладъ, почему молъ за цѣлый день никто его не обокралъ, да почему никто не вздуть. И ничего въ моемъ разсказѣ нѣтъ смѣшнаго. Просто маленькій историческій очеркъ. Почему же вы не вѣрите? Хеопсъ можетъ быть за свою пирамиду не дорожке платилъ, чѣмъ мой баринъ за моторъ, а вы небось вѣрите? Вы всякому Геродоту готовы больше вѣрить, чѣмъ своему современнику и соотечественнику. Оттого, что у васъ нѣтъ исторической перспективы!

У меня еще много есть интереснаго, какъ онъ пошелъ въ баню за сорокъ копеекъ, какъ ужиналъ съ шампанскимъ за тридцать рублей и какъ купилъ калоши за три рубля. Просто, такъ пошелъ и купилъ. Впрочемъ... позвольте... боюсь, что тутъ что-то перепутано... Гм... за три рубля, просто такъ. Это мѣсто придется переработать. Здѣсь явная ошибка. А если даже не ошибка, то ужъ очень не правдоподобно и даже не художественно. Прямо какъ-то глупо. Просто, пошелъ, купилъ и три рубля...

Ну-съ, дорогіе мои, сдѣлаемъ перерывъ, я, очевидно, усталъ. Вы прихватили съ собой сахаръ? Если у кого-нибудь найдется немножко чаю, то мы можемъ пройти прямо въ столовую.

Тэффи.

НОЧЬ ПОДЪ РОЖДЕСТВО.

Судьбѣ было угодно, чтобы весь этотъ фактъ, подробно описанный товарищемъ Гополемъ, повторился. Оксана насмѣялась надъ делегатомъ отъ кузнецкаго цеха конотопской республики Вакулой и заявила:

— Хочу такія черевички, какія...

Потомъ подумала и добавила, какъ разсудительная дѣвушка, вспомнивъ, что требованіе должно сообразоваться съ политической ситуацией:

— Какія Ленинъ носить...

Вакула кисло улыбнулся.

— Нонѣ сапогъ-то сто рублей стоитъ. А можетъ, у него еще нога большая такъ и больше.

— За другого замужъ выйду.

А такъ какъ и до Конотопа дошелъ декретъ объ упраздненіи церковнаго и гражданскаго брака и можно было совершить обрядъ хотя бы въ ближайшей почтовой конторѣ, Вакула смутился и пошелъ искать чорта.

— Въ Петроградъ, — приказалъ онъ, найдя чорта за подготовкой аграрнаго погрома.

— По таксъ? — недоувѣрчиво спросилъ чортъ. — Не

ПОСЛѢДНІЙ КРИКЪ МОДЫ.

Рис. А. Гадакова.

ТОЧНЫЙ ОТВѢТЪ.

— Вы, кажется, недавно изъ Петрограда, Иванъ Григорьевичъ? Ну что у васъ теперь тамъ носить?

— Покойниковъ у насъ тамъ носить, матушка...

повезу. Садись на поѣздъ, поѣзжай по разобранному пути. Только плакатку не забудь показать, когда тебя изъ вагона выкинутъ.

Явочнымъ порядкомъ Вакула съѣлъ на чорта.

— Это надо занести въ протоколъ засѣданія, — хмуро заворчалъ тотъ, — я протестую. Попили вы нашей кровки, поѣздили въ свое время на чертяхъ.

— Вези, вези.

— Повезешь тутъ... Овесъ шестьдесятъ рублей пудъ, сѣно...

— Лети, лети...

— Лечу, лечу...

Быстро пролетѣли они надъ Конотопомъ, въ которомъ текла мирная жизнь, — парубки стрѣляли въ дивчатъ, дивчата падали на землю, а старики покручивали усы и гадали гдѣ бы это сейчасъ громили погреба? Пролетѣли надъ Калединымъ, надъ Радой и стали опускаться надъ Петроградомъ.

— Отчего пальба и крики и эскадра на Невѣ? — вспомнилъ по ассоціаціи хорошую цитату Вакула. Потомъ ткнулъ чорта въ бокъ, — вези въ Смольный.

Вакула плюхнулся съ чортомъ на землю передъ Смольнымъ.

— Кто идетъ? — спросилъ дежурный.

— Вакула.

— Казакъ?

Вакула снялъ шапку.

— Контръ-революціонеръ?

— Никакъ нѣтъ, куме. Кузнецъ.

— Калединецъ? Корниловецъ? Керенецъ?

— Конотопецъ, куме — еѣжливо отвѣтилъ Вакула и толкнулъ чорта въ бокъ, — Проси!

Дежурный пропустилъ Вакулу.

— Самъ-то нынче принимаетъ? — осторожно спросилъ Вакула у одного изъ придворныхъ.

— Самъ-то? Принимаетъ. Отъ декретовъ нонича устамши и рѣшилъ на свой народъ посмотрѣть.

Пропустили Вакулу передъ свѣтлыя очи. Долго говорилъ о чемъ-то Вакула, а только когда вышелъ изъ комнаты, блуждали его карія очи, тряслись его усы, а въ рукахъ была винтовка.

— Вези комиссара по конотопскимъ дѣламъ, — подмигнулъ онъ чорту, — вези.

— А сапоги? — спросилъ чортъ.

— Нема сапоговъ. Съ буржуя снимемъ. Вези.

Чортъ взвился. Мигали звѣздочки. Вездѣ стрѣляли.

* * *

Такъ въ эту ночь Оксана не смогла получить ботинокъ. Только уже черезъ недѣлю она получила билетикъ на право встать въ очередь. Босая, стояла она съ билетикомъ въ очереди и пѣла самостійное: «Гопъ, мои пречанышки», — а Вакула сидѣлъ въ хатѣ и писалъ декретъ о возведеніи тов. Пацока на постъ продовольственнаго диктатора.

А. Харибдовъ.

УМѢНЬЕ ПРИМѢНЯТЬСЯ КЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМЪ.

— Устроили мы елку, а хлопушекъ, которыя такъ любятъ дѣти — совсѣмъ нѣтъ въ продажѣ...

— Какъ же вы устроились?

— А мы позвали пьянаго солдата изъ виннаго погреба... Онъ стрѣлялъ, по обыкновенію, вверхъ, и дѣтишкамъ было весело.

Волкъ.

Рис. В. Лебедева.

ДОЛГЪ ПЛАТЕЖЕМЪ КРАСЕНЪ.

Красногвардеецъ: — Попилъ ты, Николай, нашей кровушки.

Николай: — Ну, правду сказать, и вы моего винца въ погребѣ Зимняго дворца попили достаточно!

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Б'Агу. — Этого автора сѣдаетъ мелкое любопытство:

„Интересно, что вы сдѣлаете съ моимъ литературнымъ первенцемъ?“

Малютка скончался на нашихъ рукахъ, закативъ полуслѣпые глазки.

Чертовой бабушкѣ. — Наконецъ, и эта почтенная родственница вспомнила о насъ.

Въ видѣ гостинца — не совсѣмъ салонные стихи:

Какъ у нашей милой Кати
Груди — бѣлыхъ двѣ полушки.
Ножки, ручки — прямо пухъ
У прекрасной сей рѣзвухи.

Съ толкомъ описана дѣвушка.

Только напечатать нельзя. Такая эта пышная дѣвушка Катя, что тѣсно ей будетъ на нашихъ узкихъ страницахъ.

И. Б. К. — Это очень деликатно по отношенію къ лошадямъ, но не совсѣмъ грамотно.

... Лица лошадей были опушены инеемъ“.

Конечно, морда слово грубое, но если вы назовете лошадиное лицо — мордой, ни одна лошадь не обидится.

Саянскому (Псковъ.) — Верхъ тонкости слуха:

— Что это — опять пулеметы трещатъ на улицахъ?

— Нѣтъ, это головы у большевиковъ трещатъ послѣ пьянства въ погребкахъ“.

Вообще, Саянскій противъ большевиковъ:

— На лицахъ у нихъ написано хамство, — сообщаетъ онъ въ рассказѣ.

Неужели? За открытіе Америки поставимъ памятникъ.

М. Дзедзицу. — Не могу ли я, — пишетъ сей зоиль, — заполнить и собою плеяду сатириконскихъ сатрудниковъ?“

Нѣтъ. Вся плеяда противъ этого.

Гавріилу Одинокому. — И Гавріиль не прочь попасть, какъ говорится, въ плеяду:

— Временно я безъ работы. Служилъ въ градоначальствѣ. Пописываю давно. Какъ съ „Сатирикономъ“? Нельзя ли туда? На постоянное бы? А? Съ фиксомъ и прочей антимоніей по положенію? А? Буду сатрудникомъ, а? Поступить можно? А?“

Что жъ, поступайте. Послѣ того, какъ безграмотный прапорщикъ Крыленко сдѣлался російскимъ верховнымъ главнокомандующимъ — идите и вы къ намъ въ сатрудники.

Все равно ужъ. Одинъ чортъ.

Мистѣру Попову. — Мы протестуемъ противъ того, что вы, во имя вашей безграмотности, готовы послать всякаго газетчика на уголь... Вы пишете:

„Газетчикъ, какъ и обыкновенно всѣ газетчики, стоятъ на углу“. Желаемъ этого стоянія на томъ свѣтѣ всѣмъ безграмотнымъ писателямъ!

Вас. Ник. Ор. — Изъ всего скучнаго длиннѣйшаго рассказа выхватываемъ только одинъ яркій образъ:

„Носъ Владиміра Петровича еще въ молодости провалился отъ стыда за своего хозяина“.

Тонко. А что тонко, то — рвется.

Ave.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

6-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА
на 1918 годъ

„Новый Сатириконъ“.

Годовымъ подписчикамъ будетъ дано:

52 №№

обильно иллюстрированнаго журнала въ краскахъ.

2 цѣнныхъ преміи (бесплатно).

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Увидѣвъ это симпатичное объявленіе о подпискѣ, большинство нашихъ вѣрныхъ подписчиковъ спросить съ легкимъ недоумѣніемъ:

— Виновать, какъ же вы смотрите на наше ближайшее русское будущее, если среди общаго крушенія и обломковъ, все-таки, объявляете солидную, спокойную подписку?

Читатель нашъ и подписчикъ! Несмотря ни на что, мы бодро и увѣренно смотримъ впередъ.

За ночью наступаетъ день.

За преступленіемъ — наказаніе.

1917 годъ — былъ годомъ гнуснаго подлаго преступленія. 1918 годъ — будетъ годомъ разсвѣта и годомъ жестокаго наказанія для негодяевъ, годомъ ужаснаго разочарованія для дураковъ.

Мы съ вами, читатель, ни дураки, ни негодяи.

Мы судьи и прокуроры...

Итакъ — судъ идетъ!!

* * *

Судъ, конечно, судомъ, но тутъ же рядомъ принимается и подписка на этотъ годъ — годъ правосудія, расчета и мести.

А условія ея по нынѣшнимъ временамъ очень даже сходныя:

за 12 мѣс. (съ преміями) — 30 руб., за 6 мѣс. — 15 руб., за 3 мѣс. — 7 руб. 50 коп. и за
1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88. Телеф. 59-07.

Хоть при пересылкѣ за границу стоимость журнала, обыкновенно, повышается, но мы посылаемъ журналъ въ Украину, Сибирь, Кавказъ, Финляндію и др. — по той же цѣнѣ. Чихать намъ на такую заграницу!

Издательство.

У РАЗБИТАГО КОРЫТА.

Россия: — Ну, было бы корыто! А свиной найдется сколько угодно!

ХЕТО